

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/16

ВОЗРОЖДЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РАЗВАЛИНАХ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Н.В. Бабилунга

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко

Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: babi05@rambler.ru

Авторское резюме

Настоящий очерк представляет собой расширенный вариант доклада на конференции, посвященной памяти известного молдавского ученого И.А. Анцупова. В нем рассматриваются геополитические, исторические, социокультурные и прочие аспекты раскола Молдавии в эпоху развала СССР и образования на ее территории двух независимых государств – Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики. Цели и задачи этих почти одновременно возникших государств различались весьма существенно. Если правящая элита Молдовы стремится к ее скорейшему разрушению и объединению с румынской «матерью-родиной», то Приднестровье в течение четверти века лишь укрепляло и усиливало свою государственность, возрожденную в 1990 г. Это не может не вселять надежду в сознание патриотов Молдовы, что сохранение и укрепление молдавской идентичности еще не окончательно ушло в область иллюзий и несбывшихся надежд. Молдавская государственность в виде ПМР была воссоздана буквально на развалинах Советского Союза. Она имеет все возможности для возрождения и развития, несмотря на имеющиеся политические, экономические и другие трудности.

Ключевые слова: развал СССР, молдавская идентичность, государственность, Республика Молдова, Молдавская ССР, Приднестровская Молдавская Республика, Приднестровье, Румыния, Россия.

THE REBIRTH OF MOLDAVIAN STATEHOOD ON THE RUINS OF A GREAT STATE

N.V. Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: babi05@rambler.ru

Abstract

The present essay presents itself as an expansive variant of a paper presented at a conference dedicated to the memory of the well-known Moldavian scholar I.A. Antsupov. In it is reviewed the geopolitical, historical, socio-economic and other aspects of the division in Moldavia during the epoch of the fall of the USSR and the formation on its territory of two independent states – the Republic of Moldova and the Pridnestrovian Moldavian Soviet Socialist Republic. The goals and objectives of these newly-founded states, both of which arose simultaneously, differed substantially. While the ruling elite of Moldova strives for the quick destruction of Moldova and unification with the «Motherland», Pridnestovye during the last quarter century has only strengthened and confirmed its statehood since 1990. This cannot not enter hope into the consciousness of the patriots of Moldova that the preservation and strengthening of Moldavian identity still hasn't definitively passed into illusion and unrealized hopes. Moldavian statehood in the form of PMR was literally established on the ruins of the Soviet Union. It has all of the opportunities for rebirth and development despite its political, economic and other difficulties.

Keywords: Collapse of the Soviet Union, Moldavian identity, statehood, Republic of Moldova, Moldavian SSR, Pridnestrovian Moldavian Republic, Pridnestrovye, Rumania, Russia.

Прежде чем перейти к теме нашего повествования, мне хотелось бы констатировать следующее. Иван Антонович Анцупов никогда не состоял в Компартии. И вообще ко всем кампаниям и проводимым ее руководством мероприятиям относился, мягко говоря, с большим скепсисом. Но события последних лет его жизни, связанные с торжеством националистического мракобесия и развалом Советского Союза, вызывали у него закономерную тревогу и глубокое душевное неустройство, боль и чувство невосполнимой утраты. Зато он с огромнейшим вниманием наблюдал за возрождением некогда загубленной государственности в Приднестровье, охотно сотрудни-

чал с редколлегией журнала «Ежегодный исторический альманах Приднестровья» и был его постоянным автором, с удовольствием писал рецензии на студенческие работы, неоднократно встречался с преподавателями и студентами Приднестровского госуниверситета, и только пошатнувшееся здоровье не позволяло ему это делать так часто, как он бы этого хотел.

Зато он стал одним из авторов «Истории Приднестровской Молдавской Республики» и по сути весь XIX в. исследовал и описал лично он сам, за что по заслугам стал лауреатом Государственной премии Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) в области науки. Он считал, что именно Приднестровье предоставляет единственный и реальный шанс Молдове не скатиться к фашистской диктатуре и не быть затянутой в трясину агрессивного румынизма и русофобии.

В 2015 г. приднестровский народ отметил 25-летний юбилей Приднестровской Молдавской Республики. Четверть века успешного существования и развития приднестровской государственности само по себе является неким феноменом современного мира и глобальных процессов на постсоветском пространстве. Приднестровская Молдавская Республика, объявившая при своем создании историческую, культурно-политическую и социальную преемственность упраздненной в 1940 г. Молдавской Автономной ССР в составе Украины, несмотря на свою непризнанность, является исторической реалией, с которой приходится считаться остальному миру. И если первая государственность на Днестре в виде МАССР просуществовала почти 16 лет (с 12 октября 1924 по 2 августа 1940 г.), то вторая государственность в виде ПМР существует уже более 25 лет (со 2 августа 1990 г. по настоящее время).

При этом государственность нашей республики укрепляется и развивается практически во всех сферах экономической, политической, культурной и общественной жизни, в то время как государственность нашей соседки Республики Молдова усилиями ее прошлых и нынешних властей вгоняется в перманентный кризис, выход из которого эти власти видят в ликвидации данной государственности и аншлюсе Молдовы Румынией. Политический класс Молдовы, его творческая и административная «элита» стремятся к уничтожению государственности страны, которая их взрастила, обучила и вывела в свет, предоставив «непыльную» сферу деятельности! Это в своем роде уникальная ситуация.

Конечно, прежде всего такая ситуация определяется интересами и позициями правящего в Молдове политического класса и устремлениями своей компрадорской «творческой» интеллигенции. Они предали интересы собственного народа за щедрые многочисленные

гранты и субсидии различных зарубежных фондов, которые в обиходе по-прежнему люди называют «чечевичной похлебкой на гранты». С искренним рвением работая на реализацию чуждых Молдове интересов, эти люди фактически ведут свою страну к неминуемой гибели. Много и постоянно разглагольствуя о несуществующих на деле «европейских ценностях», они в блестящей обертке пытаются преподнести молдаванам смерть их многовековой государственности. Но дело не только в этом.

И первая государственность на Днестре, которая возникла в условиях нерешенности бессарабского вопроса при оккупации Королевской Румынией Пруто-Днестровского междуречья с 1918 по 1940 г., и вторая государственность на Днестре в конце XX в., возникшая при искусственном возрождении властями Молдовы бессарабского вопроса как политической проблемы, – обе они связаны очень прочными нитями с крупнейшими геополитическими подвижками в данном регионе Европы на протяжении минувшего столетия.

Конфигурация современных государственных границ Приднестровской Молдавской Республики определялась в XX в. Во многом на нее оказывали влияние случайные факторы, в том числе территориально-государственное размежевание двух союзных республик – Украины и Молдавии. Эта земля была и остается частью очень важного в геополитическом отношении региона Европы, который протянулся с севера на юг вдоль Днестра от Карпат до Черного моря. На всем обозримом протяжении человеческой истории Днестр играл исключительно важную роль, являясь естественной границей между различными этнокультурными зонами Восточной Европы. И это не случайно.

Земли, простирающиеся к востоку от Днестра, являются составной частью славяно-православной цивилизации «срединной земли», Евразии. Они никогда не входили в островную сферу влияния или «береговую зону», которая имеет свойство переходить из одного геополитического пояса в другой и обратно, как это постоянно происходит с Пруто-Днестровским междуречьем, исторической территорией Бессарабии, называемой некоторыми исследователями «Европейской Месопотамией» (Хаусхофер 2001: 162). В отличие от береговой, «дисконтинентальной» зоны, в каковую, несомненно, входит территория Республики Молдова (РМ), Приднестровье уже несколько столетий, включая и наши дни, является частью такого культурно-исторического и цивилизационного феномена, как Русский мир, объединяющего в своем пространстве различные православные народы и государства, в том числе и ПМР, подобно тому, как понятие «Германия» у немцев

оставалось единым всегда, несмотря на существование в различные эпохи множества германских государств.

Самоидентификация многонационального народа Приднестровья как неотъемлемой части православного русского пространства в самом широком значении этого слова подчеркивает роль этой сравнительно небольшой территории в системе восточно-христианской цивилизации, где граничат влияния Русской православной церкви и автокефальной Румынской православной церкви, находящейся в авангарде экуменизма и сближения с Ватиканом. Постоянно укрепляя и наращивая с помощью Запада свое присутствие и активность в Молдове, эта сила приобретает все более и более четкий политический характер, придавая Приднестровскому региону одну из ключевых ролей в геополитической системе координат восточнохристианской цивилизации (Фролов 2002: 68–69).

Если в романовской России XIX в. и советской России XX в. Приднестровье большую часть времени не играло почти никакой геополитической роли в раскладах на «великой шахматной доске», то после разрушения сначала царской Российской империи, а затем и советской супердержавы СССР Приднестровье приобретает все большее и большее значение для успеха или, наоборот, неуспеха в создании атлантистами «санитарного кордона» между Россией и Европой (особенно Германией). Таким образом, исключается возможность установления между ними интеграционных связей в рамках стратегического союза, а тем более – внешнеполитической оси Москва – Берлин (или даже Берлин – Москва – Токио), которая может ослабить контроль США (НАТО) над европейскими странами и в других регионах мира.

Для современной России, пытающейся после десятилетий предательства, смуты и неурядиц снова занять подобающее место в мире в соответствии со своей ролью в развитии человеческой цивилизации, Приднестровье становится очень важным геополитическим регионом в условиях, когда Молдова кардинально сменила ориентацию с евразийской на атлантическую, в которой нет места Молдове как самостоятельному независимому государству. Это тем более важно, когда «независимые» государства «ближнего зарубежья» и бывшего советского блока, вышедшие из-под контроля Москвы, охотно становятся послушным орудием в осуществлении мондиалистской политики США на европейском континенте и сознательно превращают свои территории в «санитарный кордон» на службе у США по формуле «независимость от ближнего и зависимость от дальнего».

В отличие от этих стран российского «ближнего зарубежья», добровольно ставших на путь колониальной подчиненности Западу и

декларирующих этот путь как успехи своей «национально-освободительной борьбы», ПМР полностью сохраняет свою экономическую и политическую самостоятельность, а главное – свою неколебимую верность России. Возможно, поэтому многие политики, в том числе и депутаты Государственной Думы России, неоднократно сравнивали Приднестровье с «Брестской крепостью» на юго-западных рубежах православно-славянского мира, крепостью, не сдававшейся на милость врагам России (Дугин 1997: 404).

Геополитически Днестр уже много веков, да и, пожалуй, всегда в обозримой истории, является условным пограничьем между германо-романским миром Запада и восточнославянской цивилизацией огромных пространств Евразии. После объявленной руководством Республики Молдова твердой переориентации своих устремлений в сторону Запада Приднестровье с начала 90-х гг. XX в. прочно утверждается в качестве юго-западного форпоста восточнославянской православной цивилизации, ее геополитических интересов, духовных ценностей и культурного влияния. Поэтому так ощутимо в этих землях воздействие различных факторов мировой политики, с такой непримиримой ожесточенностью в первых десятилетиях XXI в. растет наступление западных политиков на ослабленную Россию, чтобы окончательно выдавить ее присутствие из Приднестровья, максимально сузить влияние Кремля на Юго-Западе Европы. Развал России как единственной страны, способной противостоять США и даже при необходимости уничтожить Штаты в ядерном конфликте, стала главной сверхзадачей нынешних политиков Запада, тем более что такой развал сулит им богатый приз – неисчислимые природные богатства страны.

При этом Молдове как наиболее яркому и типичному примеру несостоявшегося на развалинах Советского Союза государства отводится достаточно примитивная и подчиненная роль политического киллера. Ее задача – насильственное уничтожение приднестровской государственности и насаждение здесь «демократии» полунацистского молдавского толка. Главными «демократизаторами» станут шизоидные субъекты типа Илашку, Нантоя, Дабижи и прочих, подобно тому, как в современной Украине главными «демократами» страны Запада признают убийц, террористов и моральных уродов фашистско-бандеровского толка. И это, видимо, является довольно важным элементом планов Запада, поскольку он вовсе не спешит предложить Молдове и Приднестровью выход из политического кризиса на действительно демократических принципах, наработанных им в течение многих столетий (Швейцарской конференции, например). Умиротворение кризиса и снятие напряжения в таком случае не сопровождались

бы бесповоротным вытеснением из данного региона Европы восточнославянского присутствия и православного духовного влияния.

Именно поэтому западные страны запретили правительствам Молдовы соглашаться на предложенный Россией («план Козака») реальный и выполнимый сценарий разрешения конфликта и установления прочного мира на Днестре. Конфликт между Канадой и Квебеком или Англией и Шотландией, Чехией и Словакией разрешается западными политиками совсем не так, как на Днестре. Не выдвигая своих проектов, основанных на собственном федералистском опыте и принципах субсидиарности, Запад подталкивает Молдову на «восстановление конституционного порядка и территориальной цельности» подобно тому, как он подталкивает киевскую хунту на продолжение массового кровопролития в Новороссии, не позволяя выполнять подписанные им же Минские договоренности. Строятся даже планы совместного выступления против государственности ПМР кишиневского и киевского режимов.

Почему? Все очень просто. Только новая кровавая авантюра полумных и продажных фанатиков в руководстве Молдовы, как и на Украине, может вызвать существенный отток населения из региона – бегство и депортации, заселение «освобожденных» земель колонистами из Румынии, а вместе с тем – желанное изменение здесь геополитической ситуации в сторону романо-германского вектора. Что в принципе невозможно в Канаде или, скажем, в Чехословакии, то вполне осуществимо и желательно для евробюрократии на нашей родине. «Арабская весна», организованная политиками Америки в Северной Африке и на Ближнем Востоке, привела не к расцвету свободы и демократии, а к дестабилизации, хаосу, массовым убийствам, массовому бегству населения Ирака, Сирии, Ливии и других стран региона в Европу. Это, по замыслам устроителей «Арабской весны», рано или поздно приведет к конфликтам и полной дестабилизации самого Европейского союза, а значит, и ликвидации одного из сильнейших конкурентов США.

Этим главным образом и объясняется столь упорное неприятие американскими политиками и дипломатами идей мирного развода Молдовы и Приднестровья, признания приднестровской государственности или хотя бы обустройства честной федерализации Молдовы и Приднестровья в рамках единого демократичного государства с гарантированными правами человека и правами населяющих эти земли народов. При этом восстановление власти кишиневского этнототалитарного режима над приднестровскими землями представляется западными политиками вроде Маккейна и других патологических русофобов чуть ли не в виде первостепенной задачи

мирового сообщества. Понятно, что эти разговоры подхватываются и тиражируются их клиентами в Молдове или Румынии, Украине или Прибалтике как священная мантра для ежедневного бессмысленного повторения. Но какие на то существуют международно-правовые обоснования? Является ли, другими словами, современная Молдова правопреемницей Молдавской Советской Социалистической Республики, т. е. территорией в границах МССР?

О какой бы то ни было правопреемственности государственной власти в Молдове речи быть не может хотя бы на том основании, что прошлое псевдокоммунистическое руководство Молдовы, как и ее нынешние «проевропейски настроенные» правители вообще отказываются от всех подписанных их предшественниками дипломатических и межгосударственных документов, являвшихся итогами многотрудного переговорного процесса, проходившего под патронатом ОБСЕ, России и Украины. Сам по себе отказ правительства от международных соглашений и подписанных документов в современном мире чреват для данной страны огромными сложностями и масштабными проблемами, связанными с ее изоляцией и, в конечном счете, коллапсом, ибо вряд ли найдется много желающих вести переговоры и о чем-либо договариваться с государством, правительство которого не уважает даже собственное слово. Однако Молдове пока прощается и это, поскольку она не выполнила еще своего главного и, пожалуй, единственного предназначения – уничтожения приднестровской государственности и окончательного вытеснения из региона восточнославянского влияния.

Интересно в данном случае другое: еще 23 июня 1990 г. (т. е. за два с половиной месяца до образования ПМР) Верховный Совет ССР Молдова (ССРМ) как высший орган государственной власти принял решение о «незаконности» освобождения Бессарабии 28 июня 1940 г. и «неправомочности» образования Молдавской ССР (Бессарабский вопрос 1993: 144). С правовой точки зрения это означало полную самоликвидацию республики, поскольку отменяло юридическую преемственность власти. Молдавия объявлялась оккупированной румынской землей, а потому все законы, акты и декреты, принятые предшествующей, т. е. «оккупационной» Советской властью, подлежали немедленной отмене, поскольку были незаконными. Незаконным становился и сам парламент Молдовы, который подлежал немедленному роспуску, ибо его депутаты не могли представлять волю и интересы избравшего их населения, поскольку избиратели принадлежали к категории завоеванного населения аннексированной и расчлененной страны, неправомочность создания которой парламент торжественно провозгласил.

Уникальность этого решения очевидна, поскольку во всемирной истории найдется немного подобных прецедентов, когда руководство страны добровольно заявляет о собственной незаконности и неправомерности, признавая себя порождением «оккупационного режима» на части другого независимого государства. Впрочем, строго оценивая это событие в рамках права, нельзя не заметить, что парламент Молдовы не мог отменить в 1900 г. закон Верховного Совета СССР (а в это время СССР еще существовал) от 2 августа 1940 г., по которому была создана «неправомерная» Молдавская ССР и ликвидирована Молдавская АССР в составе Украины на Левобережье Днестра. Однако мировому сообществу в те времена было не до юридических тонкостей законотворческой деятельности неквалифицированных и недальновидных депутатов парламента Молдовы, а правительство Советского Союза, единственно обязанное отменить незаконное решение законодателей одного из субъектов, также было занято увлекательным состязанием перераспределения власти между Ельциным и Горбачевым, а потому просто не заметило этого важнейшего решения парламента Молдовы (Бабилунга 2010: 33–34). Таким образом, этот спектакль абсурда сам по себе приобрел законную силу, видимо, неожиданно и для самих законодателей Молдовы.

Еще более удивительным является то обстоятельство, что Партия коммунистов Республики Молдова, находясь у власти долгие годы, имея в своих руках все рычаги государственной власти, имея в парламенте РМ квалифицированное большинство, ни разу, ни единого разу(!) не сделала ни малейшей попытки отменить постановление парламента от 23 июня 1990 г. и Декларацию о независимости Молдовы, которая его подтверждала. Не было и попыток отменить хотя бы их отдельные положения и формулировки, с тем чтобы признать Молдову юридическим и историческим правопреемником МССР и ввести свою республику в приемлемое правовое поле. До сих пор Молдова является довольно странным порождением мировых катаклизмов конца XX в. Непонятно, откуда вообще появилось на свет это удивительное новообразование. Чьим наследником оно является и чью волю представляет? В этом не могут разобраться как следует и сами власти Молдовы.

Это государство не может быть правопреемником Молдавского княжества, созданного в 1359 г., ибо таковое право узурпировало государство Румыния, включившая в свой состав основную часть княжества (Запрутскую Молдову) в 1859 г. Молдова не может быть правопреемницей Бессарабской губернии (1812–1917 гг.) или даже автономной Бессарабской области (1813–1828 гг.) в составе Российской империи. Не существует больше ни Румынского королевства, ни

Российской империи, хотя у королевства и у империи есть законные наследники в виде Румынии и России. Молдова не может быть правопреемницей Молдавской ССР (1940–1990 гг.), ибо уже назвала эту форму своей государственности «незаконным» и «неправомочным» порождением оккупационного советского режима. Наконец, Молдова не может быть и правопреемницей Молдавской АССР (1924–1940 гг.) в составе Украины – это право принадлежит Приднестровской Молдавской Республике, о чем было ясно сказано в минуты ее рождения. Остается лишь одно: руководство этой страны всерьез рассматривало и продолжает рассматривать свое государство в качестве оккупированной румынской земли, в качестве аннексированного кусочка румынской «матери-родины». Значит, все-таки Румынии?!

Пусть так. Продолжающееся там зомбирование собственных граждан антинаучным и абсурдным курсом «история румын» и вся стратегия агрессивного румынизма последних двух с половиной десятилетий являются лучшим доказательством преемственности власти и политики в этой стране при калейдоскопической смене всевозможных правительств – «фронтистских», «центристских», «коммунистических», «либеральных». Но при чем здесь «восстановление конституционного порядка и территориальной целостности» Молдовы? Какой «конституционный порядок» должен быть восстановлен на оккупированной румынской земле, и о какой вообще «территориальной целостности» нам постоянно толкуют в Кишиневе и других столицах? О целостности Румынии или о целостности непонятого государственного образования, провозгласившего себя при своем создании оккупированной румынской землей и продолжающего упрямо рекламировать себя в качестве некоего осколка то ли республики, то ли королевства?!

Однако то, что вполне естественно выглядит для правителей Молдовы конца XX – начала XXI в., по меньшей мере, странно звучит в устах западных политиков и дипломатов, гордящихся (трудно сказать, по праву ли?) своим здравомыслием, рассудительностью и самодостаточностью. Еще полтора десятилетия назад посол США в Молдове г-жа Мэри Пэнделтон, как, впрочем, и ее современные коллеги, неустанно втолковывала нам, что «жителям приднестровского региона» не нужна «государственность», повторяя «простые истины» о том, что Соединенные Штаты придают огромное значение «самоопределению», которое, по ее мнению, «не включает в себя права на отделение или права игнорировать международно признанные нормы» (Бабилунга 2010: 35).

Как и ее нынешние коллеги, посол искренне хотела бы, чтобы люди Приднестровского региона поняли, что с международных

позиций Приднестровью невозможно получить статус «государства в конфедеративном соглашении». Видимо, «объективность» такого рода политиков и имел в виду великий русский писатель Александр Солженицын, когда с горечью констатировал: «Молдавия объявила себя независимой – пожалуйста, пожалуйста, это самоопределение. Приднестровье, которое ни сном, ни духом к этой Молдавии не относится, Сталин его прирезал для показухи перед Румынией, – Приднестровье – это сепаратизм, этого не может быть» (Солженицын 1995: 73).

А, собственно, почему «не может быть»? На каком таком основании приднестровцам отказано в приемлемой для них форме государственности? Исторические исследования показывают, что приднестровские земли с глубокой древности в силу своего географического положения являлись лакомым куском и очень часто включались в состав разнообразных государственных формирований.

Молдавская ССР как союзная республика просуществовала полвека. Гибель этой формы государственности молдавского народа и его дезинтеграция тесно связаны с переходом в конце 1980-х гг. местных национально-партийных номенклатурных элит союзных республик на позиции агрессивного национализма, русофобии и антикоммунизма. Эти позиции позволили названным элитам сравнительно быстро трансформироваться в независимые от центра могущественные кланы компрадорской буржуазии в процессе начавшейся «перестройки» и грабительской приватизации, т. е. дележа национальных богатств народов СССР узкими группами лиц, обладавших в своих республиках монополией на государственно-административные, политические и социальные функции власти.

Советский Союз с конца 1980-х гг. как единая многонациональная держава был обречен, несмотря на то, что подавляющее большинство советских людей выступало против дезинтеграции единой страны. На первом в истории Советского Союза референдуме 17 марта 1991 г. подавляющее большинство советских граждан высказалось за сохранение и обновление его. Это при том, что в Прибалтике, Молдавии, Грузии и некоторых республиках СССР власти категорически запретили проведение референдумов и любое «непослушание» чрезвычайно жестоко подавлялось милицейскими и прочими карательными органами, недостатка в которых никто не ощущал. Советский Союз был обречен, потому что национальные правящие элиты утратили необходимость в существовании централизованной вертикали власти и сознательно разрушили ее, развалив единое государство.

Этому способствовали авторитарная форма власти советской системы, отсутствие противовеса партийно-государственным органам

власти в виде «развитого гражданского общества» с его институтами оппозиции, свободной прессой, общественными независимыми ассоциациями и другими автономными политическими подсистемами, которые не сложились, да и не могли сложиться за считанные годы так называемой «перестройки». Бурная деятельность всевозможных «народных фронтов» и подобных им «неформальных» объединений, неожиданно возникших в 1988 г. с задачей шумной симуляции «народных волеизъявлений» в виде «великих национальных собраний» и прочих лицедейств, была, как ныне неоспоримо доказано, почти во всех бывших республиках СССР инспирирована агентами советских секретных спецслужб, вдохновлялась и прямо направлялась как центральными, так и местными структурами власти.

Введенное в заблуждение деморализованное, дезориентированное, неструктурированное общество всех союзных республик ничего не смогло противопоставить буржуазной контрреволюции «сверху» начала 1990-х гг., в результате которой сказочно обогатились до 10 % населения, составляющие правящие национальные элиты. Страна была разрушена, а населяющие ее народы отброшены в период средневековья и варварства, погружены в кровопролитные межэтнические конфликты и войны, в невиданные по масштабам и безысходности перманентные кризисы.

Однако «прорабы перестройки» как внутри страны, так и вне ее, архитекторы насильственного развала СССР не учли, что страна не может расползтись точно по границам пятнадцати республик, которые устраивались в сталинские и хрущевские времена абсолютно произвольно. Эти границы имели условный характер и терпеливо игнорировались гражданами СССР до тех пор, пока в житейском отношении не имели для них никакого или почти никакого значения. Положение изменилось коренным образом, когда границы, паспортные режимы, гражданство стали резать по живому не только целые народы, но и семьи, судьбы, интересы и устремления людей. Развал СССР с железной закономерностью вызвал и распад неопитов «суверенитета» и «независимости». И произошло это вопреки желанию правящих кланов национально-коммунистической верхушки той или иной республики.

Во всех пятнадцати новообразованных государствах необычно остро встали национальные, языковые и территориальные проблемы. 70 млн человек, т. е. почти каждый третий гражданин бывшего СССР, оказались за пределами своих национально-государственных образований. Во многих случаях они стали объектом гонений, притеснений, издевательств не только со стороны разъяренных толп (как правило, управляемых), но и со стороны государственных органов

суверенных республик. Оскорбительные клички «манкурты», «окупанты», «пришельцы», «мигранты» и др. в отношении сотен тысяч собственных сограждан прочно вошли в лексикон таких политиков, как Ландсбергис, Дудаев, Снегур, Гамсахурдия и прочих могильщиков СССР. Миллионы беженцев, потерявших работу, имущество, близких, семьи, заполнили пространство бывшего СССР. Только в течение одного 1992 г. в конфликтах и войнах на этой территории погибли 150 тыс. бывших граждан СССР, что в 11 раз больше, чем за 10 лет войны в Афганистане (История 2001: 26–27). «Мировая общественность» в лице ведущих средств массовой информации, лидеров и политиков стран Запада абсолютно равнодушно наблюдала за этим невиданным в современной истории по массовости и циничности нарушением прав человека.

Джинн сепаратизма, выпущенный из бутылки партийно-государственными элитами союзных республик в период их целенаправленной и методичной работы по развалу Советского Союза, не испарился с гибелью СССР, а развивался и продолжает царствовать на бывших его просторах, набирая силу и размах.

Таковы наиболее общие условия дезинтеграции бывших союзных республик и образования на их территориях новых государств, неподконтрольных существующим властям. Без учета общих моментов трудно понять раскол Молдавии в начале 1990-х гг., создание Приднестровской Молдавской Республики и особую жестокость, которую проявила военщина Молдовы, уничтожая мирный город Бендеры, другие города и села Приднестровья. Невозможно понять причины и механизм медленной гибели государственности молдавского народа в Молдове и возрождение таковой на территории Приднестровья.

Раскол Молдавии берет начало в конце 1988 г., когда в столице МССР - Кишиневе - усилиями некоторых представителей творческой интеллигенции – писателями, журналистами, преподавателями вузов и т. д., лидеры которых, как правило, являлись штатными осведомителями КГБ, были сформированы национал-экстремистские кружки и группы, объединившиеся затем в Народный фронт. Поначалу откровенно антисоветских и прорумынских лозунгов они не выдвигали и не представляли для единства МССР и ее государственности какой-либо серьезной опасности. Если бы! Если бы национальная партийно-бюрократическая номенклатура не решила использовать их в качестве ударного отряда для борьбы со своими более компетентными конкурентами иных национальностей, а главное – для полного освобождения от контроля Центра своих насиженных вотчин. Расшатанный в первые годы перестройки каркас советского бюрократического абсолютизма мог быть укреплен только идеологией

государственного национализма. Именно поэтому в короткие сроки экстремистские организации были возвращены национал-бюрократической элитой Молдавской ССР при одновременном очищении партийных, государственных и общественных структур от убежденных интернационалистов, которые могли бы помешать осуществлению подобных планов.

Постепенно чистки приобретали массовый характер и осуществлялись в обстановке травли, нарушения прав человека и существовавшего тогда законодательства. Сценарий раскола общества в Молдавии мало чем отличался от аналогичных планов в других республиках. Универсальным «ключом» становился закон о государственном языке. Большинство средств массовой информации, переданных национальной бюрократией в руки фронтистов, в первой половине 1989 г. развернули настоящий психологический террор и давление на общество, имитируя как бы волеизъявление молдавского народа: объявить молдавский единственным государственным языком в республике, несмотря на то что им владело немногим более 60 % населения, а русским – практически все. Кроме того, объявлялась идентичность молдавского и румынского языков. Молдавский переводился на латинскую графику, что сразу же отбрасывало и многих молдаван в разряд малограмотных «манкуртов», ибо литературным румынским языком в республике владели очень немногие представители гуманитарной интеллигенции, втайне исповедовавшие свою румынскую идентичность.

Отличие молдавского пути раскола общества от эстонского, латышского, грузинского, азербайджанского и других путей было очень существенно. Если в тех республиках раскол шел по линии коренные (азербайджанцы) – и армяне; коренные (эстонцы) – и русские, советские оккупанты; коренные (грузины) – и абхазы, осетины, турки-мешетинцы и др., то в Молдавии водораздел не только отделял «коренных» от «пришельцев», но и раскалывал самую «титуюльную» нацию. Это была еще одна «изюминка» уникальности на задуманном пути уничтожения молдавской государственности в Молдове (Феномен 2003: 137).

Дело в том, что замена молдавского языка румынским, принятие румынской государственной символики, изменение учебных программ в школах и вузах по румынским стандартам, предание анафеме самих понятий «Молдавия», «молдаванин», «молдавский» потребовали массового изменения этнической идентичности молдавского народа. Те из молдаван, кто не желал ударными темпами перевоплощаться в румын, кто пытался сохранить историческую самобытность народа, его традиции, культуру и менталитет, объявлялись «манкуртами»,

изувеченными коммунистическим режимом. Эти молдаване стали особенно ненавистны идеологам правящего прорумынского режима и причислены к врагам национальной элиты «бессарабских румын».

Таким образом, раскол Молдавии зарождался и развивался не столько по этническому, сколько по политическому принципу. Противостояние оформлялось не между молдаванами как «коренной», «титильной нацией», с одной стороны, и гагаузами, русскими, украинцами, болгарам, евреями как «мигрантами», «пришельцами», «оккупантами», с другой стороны¹. Усилиями властей и официальной пропаганды соседи, сослуживцы, знакомые, друзья и даже родственники были поделены на «добрых хозяев» и «обнаглевших пришельцев», на «коренных жителей» и «оккупантов», на «румынских патриотов», сыновей и дочерей «румынской матери-родины» и «манкуртов», «шантистов», «идэчобанистов», носителей «примитивного молдавенизма». Противостояли две политические силы, две системы, два мировоззрения.

С одной стороны, это альянс правящей национальной бюрократии и национал-экстремистского Народного фронта. Цель – сохранение в целости и неприкосновенности всех привилегий и преимуществ системы унитарного этнократического абсолютизма, прежде всего – неограниченного господства над богатствами страны и монополии власти; геополитическая переориентация Молдавии на Запад, превращение края в полуколонияльную окраину Румынии при безраздельном господстве нескольких семейных кланов компрадорской буржуазии над нищим, безграмотным, вымирающим населением. Путь – насаждение этнической и социальной розни, разделение населения на враждующие между собой группы, милитаризация сознания граждан, разжигание конфликтов до степени гражданской войны или, как выразился яркий представитель этих сил премьер-министр М. Друк, «ливанизация Молдавии» и «бейрутизация Кишинева».

С другой стороны, построение в Молдавии правового цивилизованного государства, демилитаризованного, демократичного и свободного, федералистского, с широкими полномочиям местных властей, межнациональной гармонией и этнической свободой по примеру Швейцарской конфедерации или Аландских островов Финляндии²; геополитическая ориентация на укрепление традиционно тесных связей с восточными соседями либо честная политика неприсоединения и разоружения по соответствующим гарантиям мирового сообщества. Путь – активный поиск компромиссов, укрепление мер доверия между различными этническими общинами, отказ от любых форм политического насилия, языковых или национальных притеснений, запрещение каких бы то ни было национальных преимуществ и лингвистических

преференций, уважительное отношение государства ко всем этносам и гражданам республики, безусловный отказ от провозглашаемого приоритета прав нации (румынской нации) над правами человека.

Желание первой стороны распространить тоталитарный режим мононациональной бюрократии на максимально возможные пределы и заставить подчиниться ему тех, кто никоим образом органически не принимал этот режим, вызвало конфликт и привело к кровопролитному противостоянию, к трагедии – гражданской войне и расколу Молдавии. Молдавская ССР была упразднена партийно-национальной номенклатурой, а ее территория выведена из правового поля СССР. Республика Молдова стала полем политического действия одной стороны (с некоторыми коррективами середины 1990-х гг.), Приднестровская Молдавская Республика – ареной политического творчества другой. Конечно, необходимо учитывать существование в Молдове мощных левых сил, ориентированных на создание цивилизованного демократического государства, которые, правда, пока не в состоянии в корне переломить ситуацию. В Приднестровье, в свою очередь, существуют прорумынские, прокишиневские элементы, желающие установить у себя национал-тоталитарный «конституционный порядок», однако организационно не оформленный и не способный навязать обществу свой менталитет и свои антиценности.

Отличие заключается в том, что в Приднестровье названные элементы состоят главным образом из маргинальных личностей, не способных не только интегрироваться в референтное сообщество, но и навязать ему хоть в малейшей степени свою перевернутую систему ценностей. В Республике Молдова маргинальные представители социальных субгрупп, составлявшие постоянный контингент фронтистских шествий, митингов, «великих национальных собраний», погромов и бесчинств, рекрутировались и возглавлялись фанатично настроенными прорумынскими интеллигентами с их лозунгами и призывами: «Мыть кишиневский асфальт русской кровью!», «Молдавия – для молдаван!», «Чемодан – вокзал – Россия!», «Русский Иван, собирай чемодан!», «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!», «Утопим русских в жидовской крови!». Они были искусственно выпестованы и подняты национал-бюрократической элитой на уровень «народа», поэтому сумели навязать свою антиобщественную волю, свою систему антиценностей, свою извращенную полууголовную мораль и нормы поведения тому обществу, в которое они не могут интегрироваться.

Доминирующее положение национал-маргиналов Народного фронта в Молдове конца 1980 – начала 1990-х гг., их жестокая антинародная диктатура, походы на Гагаузию и Приднестровье, погромы административных зданий, газет, частных квартир, избиения и

убийства ни в чем не повинных людей – все это объясняется острой необходимостью национальной бюрократии в подобной субгруппе для сохранения своего господствующего положения в политике, экономике, образовании, науке и культуре республики. Справедливое по закону возмездие за преступления могло бы отпугнуть маргиналов, внести в их ряды неуверенность и смятение, ослабить ударный отряд националистов, что не входило в планы партийно-бюрократической национальной элиты. Поэтому преступления их не расследовались и никак не наказывались.

Наоборот, гарантированная системой полная индульгенция за преступления любой тяжести поощряла на расширение и углубление гражданского конфликта, вовлекая в него новые силы. Так, безнаказанные выступления на митингах и в печати с клеветой и оскорблением национальных чувств поощряли на призывы к погромам, глумлению над флагом, другими советскими символами (еще не отмененными тогда), а затем и безнаказанный срыв военного парада 7 ноября в Кишиневе – к погрому здания МВД. В свою очередь, безнаказанный погром МВД – к разгрому редакции русскоязычных газет, избиениям и убийствам случайных людей, погромам частных квартир. Полное и даже подчеркнутое бездействие властей поощряло на новые преступления, привело к походу на Гагаузию военизированного сброда, убийству приднестровцев на дубоссарском мосту, нападениям полицейских и специально подготовленных террористов Молдовы на жителей г. Дубоссары, с. Кошница, г. Григориополь, с. Роги, г. Бендеры. Они оставили кровавые следы на земле Приднестровья, которые явились знаковыми символами намечавшейся широкомасштабной войны с применением танков, авиации, тяжелой артиллерии, трагедии мирного города Бендеры (Феномен 2003: 137).

Альянс национал-бюрократической номенклатуры с маргиналами при посредничестве представителей национальной творческой интеллигенции базировался, таким образом, на «взаимовыгодном» сотрудничестве: система гарантировала маргиналам безнаказанность за преступления; маргиналы обеспечивали системе постоянную и целенаправленную эскалацию конфликта – от, казалось бы, безобидного лозунга «Мы в своем доме!» до боевых вылетов МиГ-29, развязывания полномасштабной гражданской войны. Прорумынские фанатики из рядов молдавской интеллигенции получили возможность делать политическую карьеру, соревнуясь в разжигании низменных страстей наэлектризованной толпы, открыто удовлетворять свои патологические комплексы русофобии и публично призывать своих сторонников в лоно румынской «родины».

Однако самое главное – эскалация насилия помогала укреплять жесткую тоталитарную систему бюрократической власти националистов, усиливать репрессивные органы, расширять и сплачивать вокруг национальной идеи бюрократический аппарат, раздувать милитаристский психоз в стране, направлять недовольство низов на указанных им «врагов» и, конечно, нагло и грабительно обогащаться за счет присвоения «приватизированных» богатств республики. По мере погружения республики в пучину экономического кризиса и социального хаоса, разжигания гражданской войны и углубления раскола Молдавии функционеры этнобюрократического режима богатели, захватывая в собственность то, что раньше считалось государственным или общенародным достоянием, причем вне всякой конкуренции, контроля со стороны, обладая полной монополией на власть.

Нельзя не выделить особенности национальной психологии местной бюрократии, формировавшиеся и развивавшиеся в течение многих веков (примерно полтысячелетия). Можно ли сбрасывать со счетов такой долговременный фактор? Аналитики и наблюдатели при рассмотрении настоящей темы почему-то игнорировали его.

В течение 300-летнего османского ига в силу ряда особенностей молдавского феодализма³ привилегированные слои княжества могли развиваться экономически и обогащаться только тогда, когда находились на государственной службе, близко стояли к государственной иерархии. Чтобы быть в средневековой Молдавии богатым, обязательно нужно было иметь отношение к распределению и перераспределению централизованной ренты, государственных налогов. Те феодалы, кто не был причастен к государственной службе и занимался своими вотчинами, быстро разорялись и превращались в крестьян-резешей. В тех условиях обогащаться могли только бояре-откупщики и бояре-чиновники. «Свободные» и «независимые» от государственного аппарата феодалы становились крестьянами.

В силу этого обстоятельства психология «власть – это богатство» вошла в плоть и кровь молдавского чиновничества. Если для американского или западноевропейского государственного служащего вполне естественна и даже гораздо важнее формула «богатство – это власть» (демократическая система выборов требует популярности, создания имиджа, рекламы, а значит, денег), то для молдавского чиновника богатство, как и политический вес, авторитет, жизненные блага, надежность положения и даже семейное благополучие рождает и олицетворяет только власть. Вот где истоки психологических установок – без должности нет жизни, нет смерти. И цель всей жизни – в государственной должности. Только она гарант всех благ, роскоши и богатства.

В эпоху 100-летнего пребывания Бессарабии в составе России, чиновники которой буквально изощрялись в умении давать и получать взятки, ее система отнюдь не способствовала слому сложившейся психологии служащих, а два десятилетия румынской оккупации еще больше укрепили ее (хотя чиновничество Бессарабии почти сплошь составляли выходцы из Старого королевства, воспитывавшееся в системе Османской империи в таких же условиях, как и чиновничество молдавское).

В советские времена, сталинскую, хрущевскую и брежневскую эпохи, несмотря на их непохожесть, была одна чрезвычайно характерная особенность социально-политической ситуации для всех режимов – частная собственность на средства производства отсутствовала. Все функции управления и распределения сосредоточивались в партийно-государственных структурах, что вполне соответствовало сложившемуся менталитету и лишь усиливало названные его особенности. Сделать карьеру в любой области (науке, архитектуре, медицине, искусстве, образовании, журналистике и др.) можно было, исключительно находясь в структурах власти либо прислуживая им. Способности, талант, упорный труд, порядочность, профессионализм почти никакого значения не имели, чаще всего даже мешали. Как шутили в 1970-е гг., для успешной карьеры в Молдавии человеку нужны были три диплома: «высшее образование», «член КПСС» и «молдаванин» – все остальное происходило автоматически.

Начало эпохи гласности и перестройки с ее мощным демократическим напором на бюрократию, когда с высоких трибун раздавались призывы: «Хватит содержать дармоедов-бюрократов! Не ловит мышей – не кормите!», в высшей степени напугало бюрократическую олигархию МССР. В этих условиях переход национальной бюрократии на позиции агрессивного национал-экстремизма был не просто реализацией (когда «стало можно») тайных подавленных влечений к русофобии и даже не глубоко продуманными планами скорого обогащения за счет государственной собственности в период будущей приватизации.

Это был инстинкт самосохранения целого социального слоя партийно-государственных управленцев. В какой-то определенный момент они в массе своей стали думать и действовать одинаково, в едином порыве, возможно, не договариваясь между собой. Так стая ворон из десятков и сотен тысяч особей, летящих в одном направлении, вдруг, подчиняясь неизвестной нам силе, в некое неуловимое мгновение поворачивает в сторону. Все до единой, в одно мгновение. Так миллионные косяки рыб плывут в одном направлении и могут неожиданно изменить курс все сразу, без приказа вожака или ведущего.

Неожиданный залет партийно-государственной олигархии Молдавии в стан пещерного антикоммунизма и первобытного сепаратизма диктовался инстинктом самосохранения. Все «басни» о каком-то «национальном возрождении» были рассчитаны на самый низкий уровень понимания. Да и сам термин «национальное возрождение», введенный в тот момент акынами национальных элит союзных республик, в настоящее время не может не выглядеть злым издевательством и над нацией, и над возрождением (Бабилунга 1999: 8).

Ситуация в Приднестровском регионе МССР складывалась несколько по-иному благодаря уникальным историческим особенностям этой территории. После присоединения Днестровско-Бугского междуречья к России в конце XVIII в., после выдворения кочевых татар с этих земель они заселяются главным образом молдаванами, украинцами и русскими. Вот уже более двухсот лет национальная структура населения Приднестровья обладает устойчивой стабильностью, причем все три основных этноса, составляющие единый народ Приднестровья, не претерпевают в удельном весе каких-либо существенных колебаний. Они находятся в условиях неизменного равновесия, к тому же ни один из них не представляет собой достоверного большинства⁴. Никто из них не только не объявляет себя «коренным», но и не выдвигает себя в качестве единственного этноса, который испытывает жгучую потребность в ускоренной программе «национального возрождения» за счет прочих, не требует законодательного провозглашения одного-единственного государственного языка и подавления, законодательного ограничения всех других языков и культур.

В Приднестровье за последние несколько сотен лет не сложилось этнического большинства, которое пожелало бы объявить себя «титульной» нацией в ущерб прочим, «нетитульным», или так называемым «некоренным» народностям. Но почему же тогда 2 сентября 1990 г. съезд депутатов всех уровней в Тирасполе провозгласил Приднестровскую *Молдавскую* Республику, а не Приднестровскую Народную Республику? Мудрое решение отцов-основателей приднестровской государственности преследовало цель – создание исключительно молдавской государственности в условиях, когда национальная элита Молдовы взяла курс на отказ от своей молдавской идентичности, на усиленную и насильственную румынизацию молдавского этноса и утверждение румынской идентичности. Фактически этот курс имел конечной целью уничтожение молдавской государственности.

Приднестровье стало единственным государством на Земле, где молдаване могут не опасаться оскорблений за свою национальную идентичность, где они могут писать на родном языке, пользуясь исторически присущей молдавскому языку кириллической графикой,

гордиться своей молдавской историей и развивать свое молдавское искусство. И приднестровские молдаване все правильно поняли. Они выступили вместе с остальными приднестровцами против прорумынского национализма и насаждавшегося в Молдове агрессивного румынизма. Кишиневскому режиму не удалось расколоть единый народ Приднестровья по этническому признаку.

Самоидентификация населения Приднестровья представляет собой явление, в очень сильной степени отличающееся от идентификации населения Республики Молдова. Для менталитета населения ПМР не характерны болезненная раздвоенность сознания и глубокое противоречие в определении своей национальной идентификации, которые так мучительны для молдавского населения РМ последнего десятилетия благодаря усилиям элиты национальной интеллигенции прорумынской ориентации. Как показывают многочисленные исследования, свою румынскую идентичность признает в ПМР лишь считанное количество респондентов молдаван.

В конце XX в. вместе с коллегами из России и США приднестровские исследователи изучали проблемы самоидентификации приднестровцев разных языков и этносов. На вопрос «С населением какого из соседних государств вы видите наибольшее сходство?» лишь 15 % всех респондентов ответили: «С населением Молдовы» (32 % респондентов молдаван, 6 % русских, 8 % украинцев). С населением России обнаружили сходство 15% (13% всех респондентов молдаван, 23 – русских, 13 – украинцев), с населением Украины – 9 % (7 % русских и украинцев). Но большинство приднестровцев видят в своем народе уникальный этносоциальный и культурный феномен, ибо наибольшее количество (44 %) ответили, что «отдельные черты сходства с населением соседних государств, несомненно, есть... но в целом население Приднестровья уникально» (39 % респондентов молдаван, 47 % русских и 40 % украинцев) (Бабилюнга, Погорелая 2002: 97–98).

Таким образом, вопрос о государственности не явился для населения Приднестровья искусственным и навязанным извне, как это зачастую преподносится средствами массовой информации Молдовы. Он полностью и гармонично соответствует исторически сложившимся особенностям и менталитету приднестровского населения. Согласно социологическому опросу 1998 г., только 9 % всех опрошенных отрицательно ответили на вопрос «Считаете ли вы, что население Приднестровья имеет право на самостоятельную государственность?». Более 70 % являются активными сторонниками своей республики, двое из десяти не определились. Лишь 6 % приднестровцев видят будущее региона в качестве части Молдовы как унитарного государства. За фе-

деративные отношения с Молдовой высказались 18 % опрошенных, за независимость ПМР – 15, за федеративные отношения с Россией – 22, за вхождение в союз Белоруссии и России – 28. Следовательно, 83% жителей Приднестровья являются республиканцами и выступают за укрепление государственности ПМР, более тесные отношения с восточными соседями.

Неудивительно, что, как только созрели необходимые политические условия для возрождения государственности на Днестре, республика была создана в течение нескольких месяцев. Необходимо отметить, что за полтора года до развала СССР власти Молдовы провозгласили путь на выход из Советского Союза и создание независимого государства, что сразу лишало население Приднестровья союзного гражданства и ставило его перед угрозой возможного включения в состав Румынии. Приднестровцы начали борьбу за свои права, сначала робко, неумело, осторожно. Они посылали письма и петиции в различные органы власти с просьбой предоставить статус государственного не только румынскому языку, но и русскому. Отказ! Они просили о создании на их территории свободной экономической зоны в составе Молдовы. Отказ! Они просили предоставить им статус самоуправляемой автономии в рамках Молдовы. Отказ!

Наоборот, кишиневский режим издавал воинственные кличи, собирал нацистские полувоеннизированные формирования для похода против «пришельцев», а средства массовой информации в унисон с правительством развернули самый настоящий милитаристский психоз в стране с лозунгами фашистских времен, выдвинутыми перед Второй мировой войной известным румынским нацистом Зеля Кодряну. Однако все это являлось лишь прелюдией к широкомасштабной агрессии Молдовы против ПМР в начале марта 1992 г., в том числе и к неспровоцированному нападению в июне 1992 г. на мирный незащищенный г. Бендеры. Только в конце июля, в результате подписания между Россией и Молдовой при участии Приднестровской Молдавской Республики соглашения о прекращении огня и мирном разрешении конфликта, была создана трехсторонняя Объединенная контрольная комиссия, определены зоны безопасности, и российские миротворческие силы разъединили враждующие стороны (Бомешко 2010: 477).

Чего же добились руководство Молдовы агрессией против ПМР? Стой и другой стороны тысячи убитых, десятки тысяч раненых, изувеченных, покалеченных; сотни детей-сирот, тысячи несчастных семей, потерявших дорогого, любимого человека; миллионы леев, миллионы рублей материальных убытков и потерь; моральные издержки и политические потери Молдовы как государства-агрессора, с одной

стороны, и единение народа Приднестровья перед лицом смертельной опасности, политические симпатии общественности мира к ПМР как государству – жертве агрессии – с другой.

Этого можно было избежать, не допустить пролития крови, убытков, раскола Молдавии. Стоило только почувствовать обеспокоенность сотен тысяч людей и создать компромиссные лингвистические иконы. Стоило лишь принять предложение об основании в Приднестровье свободной экономической зоны или организации Приднестровской автономной республики в составе МССР. Стоило (какая малость!) не избивать и не изгонять из парламента депутатов от Приднестровья, а внимательно выслушать их. Стоило всего лишь проявить минимум понимания устремлений народа Приднестровья и на высшем уровне договориться о взаимном делегировании полномочий между властями РМ и ПМР, начать кропотливый поиск взаимоприемлемых решений федеративной реконструкции унитарной Молдовы.

Однако такова, очевидно, природа мононациональной тоталитарно-бюрократической элиты, которая представляет интересы и силы мракобесия, национальной и социальной дискриминации собственных сограждан. Для того чтобы пойти на переговоры с молодым государством – Приднестровской Молдавской Республикой, народ которой желает жить в правовом цивилизованном государстве, в котором права человека являются высшей государственной ценностью и целью системы, национал-бюрократическая олигархия должна была бы изменить силы, которые она представляла, и самой себе. Цветы в ее представлении были хороши для р. Прут, а для наведения мостов в Приднестровье использовались силы полиции, карабинеров, регулярной армии, рекрутов из «волонтеров»; танки, тяжелая артиллерия, авиация, минометы и пулеметы.

Национал-демократические силы, пришедшие к власти в Молдове, на деле представляли собой национальную часть старой партийно-государственной бюрократии, сохранившей и даже приумножившей в годы «перестройки» в своих руках всевозможные синекеры. Именно она, в первую очередь, являлась заложником раздутого средствами массовой информации милитаристского психоза в республике, митинговых бесчинств наэлектризованных маргинальных толп, погромной безнаказанности и черносотенного мракобесия. Все это ею не только порождалось и разжигалось, но и чрезвычайно пугало данные силы. Они были наименее компетентными, наименее гибкими и наименее способными к проведению адекватной и прагматичной политики, направленной на благо народов Молдавии, к недопущению ее раскола, сохранению единства и территориальной целостности, нахождению общественного консенсуса и согласия.

Если кто-то из них в глубине души лично и предвидел гибельность проводимой политики, то все вместе в качестве единого клана они выступали за ужесточение курса по отношению к «русофонам» и «сепаратистам», соревнуясь между собой в кровожадности и бескомпромиссности программ и планов «восстановления конституционного порядка». Даже сам этот термин не может не эпатировать наблюдателя своей абсурдностью. Ведь речь шла о «восстановлении конституционного порядка» в пределах той территории, которая была создана актом 2 августа 1940 г., отмененным будущими «восстановителями» как незаконный в июне 1990 г. Следовательно, ими восстанавливалась та сталинско-молотовская территориальная «целостность» республики, которая уже была объявлена вне закона и которая ежедневно проклиналась подконтрольными властям средствами массовой информации, радио и ТВ.

Предъявляя лишь слегка завуалированные территориальные требования к Украине и объявляя не только земли Молдовы, но и часть земель Украины территорией румынского государства (кстати, без ясно выраженного согласия румынского правительства), власти Молдовы в специальном заявлении от 30 ноября 1990 г. решительно осудили «попытки негативного влияния на перестроечные процессы в угоду сторонникам сталинщины и застоя», которые они обнаружили в лице «лидеров сепаратизма» и которые якобы «стремятся расчленить Молдову, задушить пробудившееся национальное самосознание ее народа».

То, что Приднестровская Молдавская Республика создавалась в том числе и с целью защиты молдавского этноса от агрессивной румынизации, властями Молдовы тщательно скрывалось от населения, как и то, кто же на самом деле был сторонником «сталинщины и застоя», активным вдохновителем и исполнителем антинародных законов и даже уголовных преступлений во имя сохранения и укрепления тоталитарного и унитарного режима бюрократического абсолютизма этнократии Молдовы.

Образование ПМР угрожало ли территориальной целостности и суверенитету отколовшейся от Советского Союза Республики Молдова? Все предложения о создании в Приднестровье свободной экономической зоны или автономной республики, не говоря о просьбах второго государственного языка, мыслились и лидерами рабочего движения, и населением в целом исключительно в рамках единой Молдавии. Таким образом, создание ПМР давало шанс политическому классу Молдовы сохранить целостность страны и вести ее по пути европейских ценностей, исключивших полунацистские эксперименты. Но властям Молдовы не нужна была и сама государственность Молдовы, а возрождавшаяся молдавская государственность в виде ПМР

представлялась им личной угрозой для себя и для тех финансовых потоков, которые щедро лились им в карманы из-за рубежа.

Как же обстояло дело после Второго чрезвычайного съезда депутатов всех уровней Приднестровья, т. е. после возрождения государственности в форме союзной республики?

2 сентября 1990 г. съезд принял ряд основополагающих документов, положивших начало Второй республике в Приднестровье: постановление, провозгласившее создание республики в составе Союза ССР, декларацию об образовании ПМССР, декрет о государственной власти, политико-правовое обоснование создания ПМССР и другие документы, а также заявление народных депутатов Приднестровья в адрес председателя Верховного Совета ССРМ М. Снегура: «Наша главная цель – обеспечение свободного и равноправного, не на словах, а на деле, развития всех народов Приднестровской Молдавской Социалистической Республики. II съезд народных депутатов выражает готовность сохранить и развивать взаимовыгодное сотрудничество и связи в различных областях общественной и социально-экономической жизни между республиками» (Непризнанная республика 1997: 113).

На территории Приднестровья 25 ноября 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет ПМР первого созыва. Через несколько дней на первой сессии Верховного Совета депутаты сформировали палаты национальностей и палату республики, комитеты и комиссии. В конце ноября прошел второй этап II Чрезвычайного съезда депутатов всех уровней Приднестровья, на котором была одобрена деятельность временного Верховного Совета. Несмотря на то что руководство Молдовы признало 27 ноября состоявшиеся в Приднестровье выборы недействительными, съезд в своем постановлении отметил, что «народные депутаты всех уровней ПМССР и их избиратели видят сохранение целостности ССР Молдова на основе содружества республик, на принципах федерации равноправных республик с делегированием определенных полномочий федеральным органам власти».

В декларации о суверенитете ПМССР и декрете о государственной власти республики, принятых на первой сессии ВС ПМР первого созыва, были заявлены основные конституционные параметры новой государственности: территория и народ; структура власти в Приднестровье; гражданство; социальное и экономическое развитие; экологическая безопасность; культурное развитие; внешняя и внутренняя безопасность; международные отношения и государственная символика. Верховные Советы Гагаузии и Приднестровья в начале декабря 1990 г. приняли специальную декларацию об объединении республик, в которой обе стороны выразили намерение объединиться на федеративной основе, для чего планировали создать комиссию по

разработке федеративного договора, при этом «в целях сохранения территориальной целостности Молдавии, установления гражданского мира и согласия Верховные Советы ГР и ПМССР обращаются к Верховному Совету ССР Молдова с предложением о вхождении в образуемую федерацию» (Непризнанная республика 1997: 141).

Это была еще одна возможность сохранить целостность Молдавии на путях реформирования и демократизации общественной жизни республики. Это был еще один шанс сохранить государственность Молдавии от кризиса, не допустить ее гибели в границах МССР. Найдется ли хоть один здравомыслящий человек, который стал бы отрицать такой очевидный факт?

Ответ Молдовы известен: усиление насилия и возведение террора в ранг официальной политики государства. Особенно заметно стал проявляться государственный террор после того, как население Приднестровья приняло участие в голосовании («за» – 93%) на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. в условиях, когда кишиневский режим запретил его проведение на территории Молдовы и лишил ее жителей возможности высказать свое отношение к судьбе Союза (Бомешко 2015: 59).

Власти Приднестровья предприняли новую попытку решить спорные вопросы за столом переговоров и сохранить территориальную целостность Молдавии. 26 апреля 1991 г. Верховный Совет ПМССР принимает обращение к властям Молдовы, в котором, исходя из постановления Совета национальностей Верховного Совета СССР от 26 апреля 1991 г. «О путях достижения согласия по нормализации обстановки в ССР Молдова», предложил незамедлительно начать переговоры по выработке компромиссных решений: «Общественно-политическая ситуация вокруг Молдовы и в целом по стране такова, что сегодня нельзя с уверенностью сказать, к какой форме государственности придет Союз ССР и каково будет там место Молдавии. Реальностью является и то, что у нас разные подходы к данным вопросам. Наша позиция известна и подтверждена неоднократным волеизъявлением народа Приднестровья. Поэтому для сохранения целостности ССР Молдова и совместного решения задач по достижению реального государственного суверенитета, нормализации общественно-политической обстановки ПОВТОРНО предлагаем рассмотреть предложения о федеративном устройстве Молдавии. В этом мы видим единственный на сегодняшний день путь к миру и стабильности» (Непризнанная республика 1997: 145).

Однако поиски пути к миру и стабильности менее всего беспокоили правящую в Молдове национальную олигархию. Президиум Верховного Совета Молдовы в середине апреля 1991 г. принимает постановление, обязывающее карательные органы республики «принять

оперативные и эффективные меры по обеспечению неукоснительного исполнения законодательства ССР Молдова» в Приднестровье. Здесь содержалось провокационное «предупреждение» руководства СССР о том, что Молдова приняла решение «пересмотреть свои обязательства... в отношении средств и способов поддержания конституционного правопорядка в республике и сохранения ее территориальной целостности» (Бомешко 2010: 141). Проведенные вскоре рейды вооруженных групп спецназовцев Молдовы, аресты, избиения, похищения людей, развязанный в Приднестровье террор, который сопровождался резкими выступлениями политических деятелей и средств массовой информации Молдовы, запугиванием и угрозами, явно представили приднестровцам эти «средства и способы». Никаких сомнений в действительном стремлении властей Молдовы к развязыванию гражданской войны ни у кого больше не оставалось.

В этих условиях десятая сессия Верховного Совета ПМССР первого созыва принимает 25 августа 1991 г. Декларацию о независимости ПМССР, в которой независимость приднестровского государства связывалась с неоднократным отказом Молдовы от предложений об образовании федеративной республики и провозглашалась естественным и необходимым условием существования государственности: «Приднестровская МССР создана как демократическое правовое государство, призванное обеспечить равенство прав и обязанностей граждан всех национальностей, образующих народ Приднестровской МССР» (Непризнанная республика 1997: 157–158). Декларация приобрела силу конституционного закона.

Через неделю, 2 сентября 1991 г., IV съезд депутатов всех уровней Приднестровья утвердил Конституцию, герб и флаг ПМССР. Съезд отметил, что, несмотря на огромные трудности, на отсутствие опыта парламентской, законодательной работы, был принят ряд важных судьбоносных для народа Приднестровья документов: Декрет о государственной власти; Декларация о суверенитете; законы о правительстве и председателе Приднестровской МССР, о местном самоуправлении и основах местного хозяйства, о государственном бюджете и банковской системе; приняты Декларация о независимости и Конституция (Основной закон) ПМССР. Все это позволило за год создать фундамент государственности, поэтому съезд обратился к V внеочередному съезду народных депутатов СССР с предложением о признании независимости и суверенитета ПМССР, а главное – об участии республики как самостоятельного субъекта в подписании Союзного договора.

Судьба договора была, как известно, решена в Беловежской пуще. Но развал Советского Союза не нанес государственности Приднестро-

вья смертельного удара. В республике был проведен референдум о независимости 1 декабря 1991 г., и одновременно состоялись выборы на альтернативной основе первого президента ПМР. На выборах за И.Н. Смирнова отдали свои голоса 65,4 % избирателей, за независимость ПМР – 98 %. Верховный Совет ПМР принимает 18 декабря 1991 г. постановление, в котором, выражая неколебимую волю народа Приднестровья к созданию на новой основе единого политического, экономического, финансового, стратегического и общегражданского пространства, одобрил образование Россией, Украиной и Белоруссией Содружества Независимых Государств, а также поручил президенту Смирнову решить с учредителями СНГ вопрос о вхождении ПМР в Содружество (Непризнанная республика 1997: 209).

В течение последующих четырех лет ПМР жила по своей первой Конституции, принятой с некоторыми последующими дополнениями и изменениями 2 сентября 1991 г. В эти годы процесс укрепления государственности принял необратимый характер, ибо опирался на волю и чаяния подавляющего большинства граждан, республики, отвечал их самым насущным интересам и ожиданиям. Формирование органов государственной власти, кредитно-финансовой системы, создание системы правоохранительных органов, вооруженных сил ПМР, переход всех предприятий и учреждений под юрисдикцию республики, регулярно проводимые выборы в центральные и местные органы власти способствовали стабилизации общественно-политической обстановки и выживанию государственности в условиях финансово-экономической, политической, информационной блокады со стороны Молдовы.

Провал военно-террористических авантур военщины и национал-экстремистов Молдовы способствовал укреплению международного авторитета ПМР, разрыву международной дипломатической и экономической блокады, несмотря на крайне осторожное отношение международного сообщества к процессам признания «самопровозглашенных» государств. В настоящее время ни у кого (в том числе и правящих кругах Республики Молдова) не вызывает сомнения полная экономическая, государственная, политическая юрисдикция законно избранных властей ПМР над территорией Приднестровья, как и то, что органы государственной власти республики созданы и функционируют стабильно и слаженно по воле народа, а не в результате заговора «белых воротничков», «коммунистических директоров», «шовинистов-сепаратистов» и прочих страшилок газетной пропаганды национал-олигархического режима властей Молдовы. Приднестровская государственность фактически стала возрождением молдавской государственности в условиях противостояния

разлагающемуся и гниющему кишиневскому режиму, все еще способному на военные авантюры и террор, несмотря на гибнущую государственность Молдовы.

Борьба с экономическим кризисом в сложившихся условиях непризнанности, наметившийся рост экономики, активизация внешних связей, совершенствование кредитно-финансовой системы, укрепление и развитие системы власти в целом привели к необходимости реформирования законодательства и совершенствования механизмов власти, которые бы соответствовали новым условиям сохранения мира и безопасности государственности в условиях утверждения политической стабильности.

К сожалению, приходится констатировать, что экономическая блокада, мировой финансовый кризис и другие внешние обстоятельства чрезмерно затрудняют пользование гражданами ПМР этими конституционными правами. Но эти трудности не являются имманентными, присущими нашей системе изначально. Они лишь факт нашего сегодняшнего бытия и беспрецедентного давления извне.

Способна ли национал-бюрократическая система Молдовы принять новые идеи создания цивилизованного демократического общества и перестроиться в соответствии с ними? Это означало бы ее самоликвидацию. Что будет в будущем? Покажет время. Но уже сейчас можно твердо сказать, что время показало правильность выбора, сделанного народом Приднестровья 25 лет тому назад. Жертвы и лишения были не напрасными. Молдавская государственность возродилась, как птица Феникс из пепла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Названные термины – не журналистские гиперболы, а принятое на официальном уровне в начале 1990-х гг. и используемое в речах высших государственных чиновников деление граждан Молдавии на четко разграниченные своеобразные касты.

2. В этом заинтересованы самые широкие слои всех представленных в Молдавии этносов и в первую очередь – молдаване, поскольку агрессивная румынизация может в скором времени привести к постепенному исчезновению этноса.

3. Господство централизованной ренты при постепенном ослаблении сеньориальной ренты, пятикратное превышение государственной эксплуатации крестьян над боярской, изнурение крестьянского хозяйства под тяжелым налоговым прессом государства и, как следствие, разорение вотчинного хозяйства бояр, откупная система сбора налогов и др.

4. Молдаване составляют приблизительно 33,5 %, русские – 30 %, украинцы – около 30 %, болгары – 2 %, почти столько же - евреи, гагаузы и белорусы – по 0,6 %.

ЛИТЕРАТУРА

Бабилунга 2010 - *Бабилунга Н.В.* Бинарный снаряд на берегах Днестра: историческая ретроспектива возможности взрыва // *Общественная мысль Приднестровья*. 2010. № 1.

Бабилунга, Погорелая 2002 - *Бабилунга Н.В., Погорелая Е.А.* Приднестровье в языковом зеркале межэтнической интеграции // *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*. 2002. № 6.

Бабилунга 1999 - *Бабилунга Н.В.* Раскол Молдавии и конституционные акты ПМР // *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*. 1999. № 3.

Бессарабский вопрос 1993 - *Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики: сб. официальных документов*. Тирасполь, 1993.

Бомешко 2010 - *Бомешко Б.Г.* Создание, становление и защита Приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендеры, 2010.

Бомешко 2015 - *Бомешко Б.Г.* История Приднестровской войны 1992 года. Тирасполь, 2015.

Дугин 1997 - *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

История 2001 - *История Приднестровской Молдавской Республики*. Тирасполь, 2001. Т. 2, ч. 2.

Непризнанная республика 1997 - *Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника* / сост. В.Ф. Грызлов. Т. 1. Документы государственных органов Приднестровья. М., 1997.

Солженицын 1995 - *Солженицын А.* По минуте в день. М.: Аргументы и факты, 1995.

Феномен Приднестровья 2003 - *Феномен Приднестровья*. 2-е изд. Тирасполь, 2003.

Фролов 2002 - *Фролов К.А.* Приднестровский регион в геополитической системе координат восточно-христианской цивилизации // *Приднестровье в геополитической системе координат XXI века*. Тирасполь, 2002.

Хаусхофер 2001 - *Хаусхофер К.* О геополитике: работы разных лет. М., 2001.

REFERENCES

Babilunga, N.V. (2010) Binarnyy snaryad na beregakh Dnestra: istoricheskaya retrospektiva vozmozhnosti vzryva [Binary projectile on the banks of the Dniester: Historical retrospective of the possible explosion]. *Obshchestvennaya mysl' Pridnestrov'ya*. 1.

Babilunga, N.V. & Pogorelaya, E.A. (2002) *Pridnestrov'e v yazykovom zerkale mezhetnicheskoy integratsii* [Transnistria in the linguistic mirror of ethnic integration]. *Ezhegodnyy istoricheskiy al'manakh Pridnestrov'ya*. 6.

Babilunga, N.V. (1999) *Raskol Moldavii i konstitutsionnye akty PMR* [The Moldavian Split and constitutional acts of the PMR]. *Ezhegodnyy istoricheskiy al'manakh Pridnestrov'ya*. 3.

Yakovlev, V.N. (ed.) (1993) *Bessarabskiy vopros i obrazovanie Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki: sbornik ofitsial'nykh dokumentov* [The Bessarabian question, and the formation of the Pridnestrovian Moldau Republic: A collection of official documents]. Tiraspol: PGKU.

Bomeshko, B.G. (2010) *Sozdanie, stanovlenie i zashchita Pridnestrovskoy gosudarstvennosti. 1990–1992 gg.* [The formation, establishment and defense of Pridnestrovian state in 1990–1992]. Bendery: Polygrafist.

Bomeshko, B.G. (2015) *Istoriya Pridnestrovskoy voyny 1992 goda* [The history of the Pridnestrovian war in 1992]. Tiraspol.

Dugin, A.G. (1997) *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii* [Basics of geopolitics. The geopolitical future of Russia]. Moscow: ARKTOGEYA.

Grosul, V.Ya. (ed.) (2001) *Istoriya Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki* [The history of the PMR]. Vol. 2. Tiraspol: Taras Shevchenko Transnistria State University.

Gryzlov, V.F. (ed.) (1997) *Nepriznannaya respublika. Ocherki. Dokumenty. Khronika* [The unrecognized republic. Essays. Documents. Chronicle]. Vol. 1. Moscow: RAS.

Solzhenitsyn, A. (1995) *Po minute v den'* [A minute a day]. Moscow: Argumenty i fakty.

Babilunga, N.V. (ed.) (2003) *Fenomen Pridnestrov'ya* [The phenomenon of Transnistria]. 2nd ed. Tiraspol: Taras Shevchenko Transnistria State University.

Frolov, K.A. (2002) *Pridnestrovskiy region v geopoliticheskoy sisteme koordinat vostochno-khristianskoy tsivilizatsii* [Transnistrian region in the geopolitical system of coordinates of Eastern Christian civilization]. In: Beril, S.I., Galinskiy, I.N. & Blagodatskikh, I.M. (eds) *Pridnestrov'e v geopoliticheskoy sisteme koordinat XXI veka* [Transnistria in the geopolitical system of coordinates of the 21st century]. Tiraspol: Perspektiva.

Haushofer, K. (2001) *O geopolitike: raboty raznykh let* [On geopolitics: Works of various years]. Translated from German by I.G. Usachev. Moscow: Mysl'.

Бабилунга Николай Вадимович – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Babilunga Nikolai – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: babi05@rambler.ru